

Пханаева Саида Нурбиевна,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры русского языка и методики преподавания, ФГБОУ ВПО «Адыгейский государственный университет», г. Майкоп
phanaeva@yandex.ru

Лингводидактический аспект взаимосвязанного обучения русскому и родному языкам в национальной (адыгейской) школе

Аннотация. В условиях сложной и многообразной языковой ситуации стремление поставить изучение русского языка в национальной школе на глубоко научную основу обусловило появление сопоставительных работ на материале русского и национальных языков. Вместе с тем не приходится отрицать того обстоятельства, что проблема сопоставительного изучения русского и национальных языков, являясь чрезвычайно актуальной, все еще относится к числу тех, которые не получили до сих пор достаточного разрешения. Структурно-типологический анализ, дающий возможность с наибольшей глубиной и полнотой выявить сходства и различия в сопоставляемых языковых явлениях, способствует решению собственно лингвометодических задач: исходя из общих дидактических принципов, отобрать из всего выявленного в результате структурно-типологического анализа материала то, что может содействовать оптимизации и интенсификации процесса обучения языкам.

Ключевые слова: двуязычие, интерференция, транспозиция, трансференция.

Раздел: (01) педагогика; история педагогики и образования; теория и методика обучения и воспитания (по предметным областям).

Язык является обязательным элементом национальной культуры, важнейшим средством формирования и духовного развития личности. Именно такое понимание роли языка в обществе определяет особое место предмета «Русский язык как государственный» среди других областей знаний в национальной школе. Сегодня русский язык – это один из богатейших мировых языков с уникальной историей развития.

В октябре 1991 года впервые в законодательной практике России был принят закон «О языках народов РСФСР», призванный способствовать максимальному раскрытию национально-культурного потенциала народов России и определению государственных языков РФ. На основании данного закона среди всех языков, используемых жителями Республики Адыгея, выделяются – и это правомерно – два языка: адыгейский – язык народа, название которого носит республика, и русский – язык межнационального общения народов не только Адыгеи, но и всей России.

Особенность сложившегося социолингвистического контекста в Республике Адыгея состоит в том, что в национальных школах начальное образование осуществляется на родном языке, с 5-го класса русский язык не только остается объектом изучения, но и уже становится языком обучения. В таких условиях возрастает коммуникативная роль русского языка как традиционного языка межнационального общения в Российской Федерации и ее субъектах. Языковая ситуация диктует необходимость разработки новой концепции изучения русского языка в системе начального образования в соответствии с реальным состоянием и перспективами развития функций родного и русского языков на территории Адыгеи [1].

В лингвистическом плане национально-русское двуязычие характеризуется контактированием двух разносистемных языков. В связи с этим лингвистическая

сторона национально-русского двуязычия непосредственно связана с данными типолого-сопоставительного описания русского и национального языков и теорией языковых контактов, с установлением системных сходств и различий на разных уровнях данных языков, которые ведут к явлениям интерференции и транспозиции.

Перенос универсальных умений составляет транспозицию, а специфические умения могут вызвать интерференцию при изучении второго языка. В методике преподавания русского языка в национальной школе уделяется большое внимание интерференции. В зависимости от характера соотнесенности двух контактирующих языков интерференция может быть прямой и косвенной. Характер интерференции также зависит от языкового уровня. Прямая интерференция предполагает неосознанный перенос явлений родного языка в речь на неродном языке. Она бывает более выраженной на начальном этапе овладения русским языком и для близкородственного билингвизма. Лингвистическая интерференция затрагивает все уровни языковой системы, но особенно распространенной при билингвизме является лексико-семантическая интерференция и ее частный случай – семантическая интерференция. Она возникает в том случае, когда в одном из языков определенные слова изменяют свое значение под влиянием контакта с другими языками. В большинстве случаев данное слово не приобретает нового значения, а лишь расширяет прежнее, получая новый смысловой оттенок. Этот процесс полностью принадлежит плану содержания и является следствием семантической интерференции, которая весьма устойчива. Такой вид интерференции может вызвать неадекватность сообщения намерению говорящего и затруднить процесс общения. Поэтому в методическом плане необходим не только анализ расхождений в системных явлениях двух языков, но и учет речевых ошибок учащихся, с тем чтобы построить учебный процесс в направлении предупреждения возможных ошибок.

Косвенная интерференция выражается не в непосредственном переносе каких-либо явлений родного языка в русскую речь билингва, а в косвенном влиянии специфики родного языка на его русскую речь. Она более характерна для неблизкородственного двуязычия, так как связана с существенными различиями в системе контактирующих языков, или с полным отсутствием каких-либо категорий русского языка в родном языке, или с их существенными различиями в двух языках, или с частичным совпадением данной категории в контактирующих языках.

В национальной школе без учета специфики родного языка невозможны методическая адаптация и презентация изучаемого языкового материала, рациональная и эффективная система тренировочных упражнений, прогнозирование, профилактика и устранение интерференции, совершенствование лингвистических методов и приемов, в частности точное определение места и роли сопоставления на разных этапах обучения и в разных формах учебной работы.

Данные сопоставительного анализа единиц и категорий русского и родного языков помогают определить, каким явлением русского языка отвести больше времени и места в учебном процессе, в какой последовательности и как изучать тот или иной языковой материал, какие темы должны быть сквозными в процессе изучения всего курса русского языка.

Любой язык, как известно, имеет свои особенности, национальное своеобразие, исторически сложившееся в результате особых отношений лингвистической системы к предметам и явлениям действительности. Это самобытное, неповторимое обусловлено тем, что каждый язык имеет не только особую фонетическую систему, грамматический строй, но и собственный лексический запас, собственную систему понятий и т. д.

По своему происхождению русской и адыгейский языки принадлежат к разным языковым семьям: русский язык относится к славянской ветви индоевропейских языков, адыгейский – к иберийско-кавказской семье языков. Каждый из данных языков представляет собой как своеобразную систему внешних различий, так и индивидуальную и неповторимую систему значений разноязычных слов, что, в свою очередь, при усвоении контактного языка порождает лексическую интерференцию.

Для лексико-семантического уровня обоих языков можно отметить высокую степень общности планов содержания: набор и содержание понятий (*вселенная, земля, континенты, горы, моря, леса; человек, части тела, родственные отношения, различия по полу и возрасту; растительный и животный мир и др.*). Это вызвано тем, что общие законы мышления, его отражательный характер одинаковы для всех людей. Понятия имеют вненациональный характер и являются универсальными, присущими каждому языку. Языковые же знания, если исключить какое-то количество терминов и интернациональные слова, часто имеют национальный характер и являются уникальными (*«Нарты»* – героический эпос адыгов, *«Нарзан»* – минеральная вода, *«черкеска»* – адыгский национальный костюм, *«п1астэ»* – крутая пшенная или кукурузная каша и др.). Они могут видоизменяться от языка к языку, вследствие чего семантическая структура слова повторяется в различных языках.

Расхождение чаще всего наблюдается или в оттенках значений слов, или в словах, обозначающих реалии быта (*1анэ* – национальный низкий круглый столик на трех ножках), кухни (*чэтлибжь* – курица под соусом), общественной жизни (*хасэ* – совет, совещание нартвов).

В адыгейском и русском языках имеется большая группа исконных и заимствованных слов, у которых полностью или частично совпадают основные обобщенные значения, различаясь в конкретном: названия дней недели (понедельник – *блыпэ* – «первый из семи», четверг – *мэфэку* – «середина недели», воскресенье – *тхьэумаф* – «божий день»), названия растений (*щыбжый* – перец, *тхьаркьожь* – лопух, *чэрэз* – вишня), числительные (*пш1ы* – десять, *т1ок1* – двадцать, *щэк1* – тридцать), глаголы (*чъыен* – спать, *тхэн* – писать), наречия (*псынк1эу* – быстро, *дахэу* – красиво, *хъураеу* – кругообразно). Почти каждая группа слов адыгейского языка имеет свои специфические черты, отличаются входящие в нее слова и по семантике, и по структуре от подобных слов в русском языке.

Русские слова по отношению к семантике адыгейских соответствий можно разделить на однозначные (*чъыгы* – дерево, *уашъо* – небо) и многозначные (*к1он* – идти, ехать; *еджэн* – учиться, читать).

При сопоставлении лексики двух разнотипных русского и адыгейского языков особое внимание было уделено эквивалентности многозначных слов, так как многозначные слова являются наиболее активной зоной лексико-семантической интерференции. Анализ показал, что в редких случаях в разных языках два многозначных слова соответствуют друг другу по своим значениям. Как отмечает В. И. Абаев, «многозначность – одно из ярких проявлений творческого начала в языке. Это – и чудесный дар обобщения, составляющий основу научного познания; это и блеск метафор с их образно-поэтическим осознанием действительности; это – и причудливая игра мысли, раскрывающая в слове все новые и новые потенции выразительности» [2].

Часто несовпадение значений слов в разных языках обусловлено отсутствием в одном из языков дифференциальных сем, характерных для сопоставляемого слова в другом языке. Рассматривая многозначные слова, необходимо отметить,

что «учащиеся нередко смешивают прямые и переносные значения слов, не улавливают оттенков значений. Поэтому очень важно вводить новые слова в русскую речь учащихся в живой связи, в сочетании с другими словами. Для этого очень удобной минимальной синтаксической единицей является словосочетание. В словосочетании проявляются основные смысловые и грамматические отношения между словами, и оно способствует запоминанию слов в живой связи с другими словами» [3]. На примере многозначных глаголов русского *идти* и адыгейского *к1он* покажем их основные и наиболее распространенные значения: *человек идет* – *ц1ыфыр мак1о*; *спектакль идет* – *спектаклыр мак1о*; *снег идет* – *ос къесы*; *дождь идет* – *ощх къещхы*; *пар идет* – *пахъэ къек1ы (къэк1о)*; *весна идет* – *гъатхэр къэк1о (къэблагъэ)*; *шапка идет* – *па1ор къек1у*; *время идет* – *зэманыр мак1о*; *идти на убыль* – *нахь мак1э хъун*; *идти учиться* – *еджак1о к1он*.

Из предоставленного иллюстративного материала видно, что сигнификация осуществляется в каждом языке по-разному, и это обстоятельство должно быть хорошо осознано и усвоено учащимися.

Очень важно, чтобы учитель русского языка, обучающий адыгейских детей, был знаком с особенностями лексического состава адыгейского языка в достаточной степени в сравнении с лексикой русского языка, чтобы предупредить типичные лексические ошибки в речи учащихся, возникающие из-за несовпадения «семантического поля» лексики в сопоставляемых языках.

В сопоставляемых языках можно выделить следующие группы соотношения полисемантических лексем:

1. Отношение полного совпадения (тождества). Этот тип характеризуется тем, что в обоих языках объем значений совпадает: *слива* – *къыпц1э* – *фруктовое дерево с небольшими плодами, плод этого дерева*; *ближний* – *гъунэгъу* – *наиболее близкий по расстоянию*; *всякий человек по отношению к другому*; *новый* – *к1э* – *впервые созданный или сделанный, недостаточно знакомый, малоизвестный*.

2. Отношение пересечения. Данный тип соотношений лексико-семантических вариантов многозначных слов двух языков самый многочисленный и сложный. Отношение пересечения имеет следующие разновидности: а) одному многозначному слову русского языка соответствует несколько многозначных адыгейских слов: *Вести* – *помогать идти, вести, сопровождать* – *цэн*; *идти во главе, направлять* – *гъэк1он*; *движение* – *зегъэк1он*; *руководить, заведовать чем-нибудь* – *егъэк1ок1ын*. *Жить* – *существовать, находиться в процессе жизни* – *псэун*; *иметься, быть* – *щы1эн*; *проводить свою жизнь в каком-нибудь месте* – *щыпсэун*; *поддерживать свое существование* – *псэун*; б) двум и более многозначным русским словам соответствует одно многозначное адыгейское слово: *идти, ходить, ехать, ездить* – *к1он*; *жарить, печь* – *гъэжъэн*; *приехать, прийти, приехать* – *къэк1он*; *вид, шкура, кожа, масть, цвет* – *шъо*; *варежки, рукавицы, перчатки* – *1элъэ*; *кушать, есть* – *шхэн*; *шустрый, острый, зоркий* – *чан*; *доброта, польза, выгода* – *ш1уагъэ*.

3. Отношение подчинения. Данный тип соотношений лексико-семантических вариантов слов русского и адыгейского языков характеризуется тем, что они находятся в отношении рода и вида: *унэ* – *дом, комната*; *тхылъ* – *книга, учебник*; *гъогу* – *путь, дорога*; *тельхъан* – *класть, помещать*.

В русском и адыгейском языках также наблюдаются существенные различия в лексической сочетаемости слов.

В языке слова вступают в разнообразные связи, вытекающие прежде всего из отражаемых ими понятий и явлений объективной действительности. Поэтому могут сочетаться такие слова, которые отражают реально существующие в действительности связи предметов и действий, предметов и явлений, предметов и их признаков. Сочетаемость слов прежде всего определяется конкретным лексическим значением и грамматическими признаками сочетающихся словоформ. И эта способность слова сочетаться с грамматически зависимым от него словом, то есть способность к семантическому, смысловому его распространению, многоаспектна.

Грамматическая сочетаемость слов определяется способностью слова соединяться с другими словами в определенной грамматической форме, связанной как с общим категориальным значением, так и с грамматическими признаками сочетающихся слов. Сочетаемость слов тесно связана с лексическим значением слов. Каждое слово, выступая членом определенной лексико-семантической парадигмы, объединяющей слова на основе того или иного семантического признака, реализует свое значение на парадигматическом уровне. Так, для слов *войти*, *вбежать*, *въехать*, *влететь*, *ворваться* общим парадигматическим значением является направленность движения внутрь чего-либо. Глаголы с этим значением движения внутрь в русском языке имеют широкую сочетаемость с именами со значением места, пространства, так как большинство сочетаний основано на синсемичности – реализации семантического тяготения, соответствия между компонентами семантической структуры глагола и именной формы. Все остальные дополнительные и переносные значения реализуются на синтагматическом уровне. Так, только на синтагматическом уровне реализуются: 1) значения многозначного слова; 2) оттенки значений слов синонимического ряда; 3) значения слов в его фразеологически связанном значении, так как «лексическое значение слова предопределяет его сочетаемость, а через сочетаемость конкретизируются отношения значений слова» [4].

В русском и адыгейском языках для выражения аналогичных понятий и смысловых отношений лексическая сочетаемость может быть разных типов. В одних случаях сочетания слов характеризуются полным совпадением: *к1элэ чан* – «смелый мальчик», *гъэтхэ пчъэдыжь* – «весеннее утро», *1эпшъэ сы хьат* – «ручные часы», *тыгъэм инэбзыйхэр* – «лучи солнца», *тхылъым еджэн* – «читать книгу», *дахэу тхэн* – «красиво писать». В других случаях наблюдается частичное совпадение лексической сочетаемости слов в русском и адыгейском языках, что выражается в полной семантической аналогии одного из компонентов и семантическом различии второго компонента: *отправился в путь* – «гъогу техьагъ» совпадает компонент *путь* – «гъогу», а вместо *отправился* «ежьагъ» используется «техьагъ» – «стал на что-то», *обочина дороги* – «гъогу напц» – «дорога бровь» совпадает компонент *дорога*, а вместо слова *обочина* – «бгъу» используется слово *напцэ* – «бровь».

К несовпадению лексической сочетаемости слов в русском и адыгейском языках часто приводят различия в смысловой структуре слов, в объеме их значений. Так, словам *ехать* и *идти* в адыгейском языке соответствует слово «к1он», словам *печь* и *жарить* – слово «гъэжъэн», словам *вкусный* и *сладкий* – слово «1эш1у», словам *горький* и *горячий* – слово «стыры» и т. д. В данных языках также наблюдаются существенные различия в синонимических рядах слов по их количественному составу, смысловой структуре. Так, синонимическому ряду *быстрый*, *стремительный*, *скорый*, *резвый*, *бойкий* в адыгейском языке соответствует слово «псынк1э», другому ряду *желтый*, *золотой*, *янтарный*, *шафрановый*, *лимонный*, *соломенный*, *яичный*, *горчичный* соответствует слово «гъожьы» («гъожьышъу») [5].

Хотя смысловые отношения, устанавливаемые в структуре словосочетания, как уже отмечалось, в русском и адыгейском языках в основном совпадают, весьма существенны различия в специфике оформления одинаковых смысловых отношений в данных языках.

Сопоставляя многозначность слов русского и адыгейского языков, можно сделать вывод о том, что семантический объем адекватных слов русского и адыгейского языков как в количественном, так и в качественном отношении неодинаков. Лексико-семантические варианты многозначных слов русского и адыгейского языков находятся в различных взаимоотношениях: отношениях тождества (полного совпадения объема значения и лексической сочетаемости), пересечения (частичного совпадения), подчинения (лексико-семантические варианты слов находятся в отношении рода и вида); русские полисемы, объем которых уже, чем у соответствующих слов в адыгейском языке.

За последние годы в лингвистической литературе появилось большое количество работ, посвященных исследованиям в области лексической синонимии (А. А. Брагина, В. А. Гречко, И. В. Сентерберг, Э. В. Кузнецова и др.). Во многих работах ставится вопрос о делении синонимов на две большие группы: полные и неполные синонимы. Рассмотрение этого вопроса исходит из того, что количество слов, связанных в языке синонимическими отношениями, столь велико, и вместе с тем за общим выражением «синонимические отношения» скрываются такие разнообразные отношения между словами, что в лингвистике издавна существует тенденция делить все синонимические слова на группы.

Полные синонимы у некоторых авторов получили название абсолютных. Некоторые лингвисты, например Э. В. Кузнецова, под абсолютными синонимами понимают слова «тождественные по своим основным значениям, что проявляется в совпадении толкований этих значений в словарях, а также в том, что такие слова часто используются в словарях как взаимные определители друг друга» [6].

В адыгейском языке немало синонимов. Например, *к1элэц1ык1у* и *сабий* «ребенок», *фэц1ык1у* и *фэзэжъу* «мал» (размер обуви или одежды), *1эпызыгъ* и *1эк1эззыгъ* «уронил», *1эк1эхьагъ* и *1эк1эфагъ* «попал в руки». Ряд абсолютных синонимов образуется совпадением значений исконного и заимствованного или двух заимствованных слов: *еджап1э* и *школ* «школа», *хьарыф* и *букв* «буква», *такъикъ* и *минут* и т. д. Идеографические синонимы составляют большинство: *фэшъхьаф* и *нэлэмык1* «другой», *ек1ол1агъ* и *к1элъырыхьагъ* и др. [7].

Э. В. Кузнецова отмечает, что длительное существование абсолютных синонимов не является типичным для языка. Ученый выдвигает три способа преодоления абсолютной синонимии. Под первым способом она подразумевает постепенное ограничение употребительности одного из синонимов, заканчивающееся полным выходом его из лексической системы языка. Под вторым способом понимается семантическое размежевание синонимов. У синонимичных слов развиваются различные, специфические для каждого из них, вторичные значения. И когда вторичное значение получает широкое употребление, оно становится основным. И, таким образом, ситуация абсолютных синонимов преодолевается, так как она может быть связана только с основным значением слов. К третьему способу можно отнести объединение абсолютных синонимов в одну лексическую единицу, обладающую супплетивными формами, в которых представлена основа разных слов, бывших до этого синонимами.

И в адыгейском языке можно применить эти способы при преодолении абсолютной синонимии.

Другую группу составляют неполные синонимы. Они обычно делятся на два основных типа: идеографические и стилистические. Такое деление было предложено впервые В. В. Виноградовым. Многие лингвисты, например Е. А. Бахмутова, М. И. Фомина, М. В. Фридман, выдвигают и другие классификации синонимов.

Наиболее обоснованной среди всех известных классификаций считается классификация В. В. Виноградова.

Идеографическую синонимию, к которой относятся синонимы с интеллектуальными и логически предметными «понятиями» – оттенками смысловых различий, В. В. Виноградов связывает с предметно-смысловыми отношениями между словами, отмечая, что синонимия идеографическая «легко может быть включена в общую сферу предметно-смысловых связей и отношений».

Стилистическую синонимику В. В. Виноградов связывает с чисто языковыми явлениями. Ученый отмечает, что «при изучении синонимии как явления языка выступают с особенной силой эмоционально-экспрессивные и стилистические своеобразия речи, присущие языку в тот или иной период его развития» [8].

В лексике адыгейского языка можно выделить различные группы синонимов. Одну из таких групп составляют синонимы, способные заменять друг друга в любом контексте, т. е. полные синонимы, например: *ежэн – пэплъэн – «ждать», зэпычын – зэпытхъын – «прервать», «оборвать»*.

В другую группу можно выделить синонимы, которые не всегда могут заменять друг друга в контексте – неполные синонимы. Например, *ильэс – гъэ «год», дагъо – лажэ «недостаток», «дефект»*. Ср. в ад.: *К1алэр ильэс т1ок1 хъугъэ. – Юноше исполнилось двадцать лет, но нельзя сказать К1алэр гъэ т1ок1 хъугъэ*.

В адыгейском языке выделяются также синонимы, различные по стилистической и эмоциональной окраске. Стилистическое расслоение лексики русского языка наиболее наглядно отражается в структуре синонимического ряда. В адыгейском языке общедно-бытовые слова свободнее противопоставляются нейтральным, что обеспечивается наличием в разговорно-просторечных словах, как правило, более выраженной эмоции. Например, *губжын «сердиться», зэшъонэн «приходить в ярость»*.

Указанные различия в семантической структуре слов, в объеме значений слов, несовпадение схем синтаксической сочетаемости и систем ассоциативных связей, неодинаковый количественный состав и семантическое различие между синонимическими рядами и их членами являются основными причинами, вызывающими лексико-семантическую интерференцию, на что должно обращать особое внимание в построении методической системы лексико-семантической работы.

Большое значение имеет структурно-типологическое описание лексики контактирующих языков в учебных целях. Их ценность неоспорима как для выявления в изучаемом языке фактов, трудно усваиваемых носителями другого конкретного языка, так и разработки соответствующих индивидуализированных приемов преподавания. Результаты сопоставительных исследований, безусловно, составляют необходимую лингвистическую базу и резерв интенсификации учебного процесса по русскому языку в национальной школе.

Проведенный сопоставительный анализ многозначных и синонимичных слов русского и адыгейского языков позволил сделать следующие выводы:

1. Объем и система значений эквивалентных слов русского и адыгейского языков неодинаковы, так как по своему происхождению данные языки относятся к разным языковым семьям.

2. Лексико-семантические варианты многозначных слов русского и адыгейского языков находятся в различных взаимоотношениях: отношениях тождества (полного совпадения) объема значения и лексической сочетаемости, подчинения (соотношения ЛСВ слов находятся в отношении рода и вида), пересечения (частичного совпадения).

3. Выявленное тождество (полное совпадение) многозначных и синонимичных слов обоих языков дает возможность использования транспозиции при обучении многозначным словам русского языка.

4. Различия в семантике многозначных и синонимичных рядов слов русского и адыгейского языков выдвигают при обучении задачу их учета с целью предупреждения интерференции.

Ссылки на источники

1. Пханаева С. Н. Лингвометодические основы лексико-семантической основы работы в начальных классах адыгейской школы: дис. ... канд. пед. наук. – Майкоп, 2007. – 170 с.
2. Абаев В. И. Избранные труды и общее сравнительное языкознание. Т. 2. – Владикавказ, 1995. – 718 с.
3. Шхачаева М. Х. Обучение синтаксическому строю русского языка. – Майкоп, 1993. – 336 с.
4. Там же.
5. Шхачаева М. Х. Лингводидактические основы обучения синтаксическому строю русского языка в адыгейской школе: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1986. – 40 с.
6. Кузнецова Э. В. Лексикология русского языка. – М., 1989. – 216 с.
7. Лексика и словообразование в адыгейском языке / З. У. Блягоз и др. – Майкоп, 1987. – 158 с.
8. Виноградов В. В. О некоторых вопросах русской исторической лексикологии. Т. 12. Вып. 3. – М.: Учпедгиз, 1953.

Saida Phanaeva,

Candidate of Pedagogic Sciences, Associate Professor at the chair of the Russian language and teaching methods, Adyghe State University, Maykop

phanaeva@yandex.ru

Linguistic and didactic aspect of the interconnected training in the Russian and native languages at national (Adyghe) school

Abstract. The author discusses the problem of comparative study of the Russian and national languages at school and gives the structural and typological analyses of the problem.

Keywords: bilinguals, interference, transposition, transference.

References

1. Phanaeva, S.N. (2007) *Lingvometodicheskie osnovy leksiko-semanticheskoy osnovy raboty v nachal'nyh klassah adyghejskoj shkoly: dis. ... kand. ped. nauk*, Majkop, 170 p. (in Russian).
2. Abaev, V.I. (1995) *Izbrannye trudy i obshhee sravnitel'noe jazykoznanie*, vol. 2, Vladikavkaz, 718 p. (in Russian).
3. Shhachaceva, M.H. (1993) *Obuchenie sintaksicheskomu stroju russkogo jazyka*, Majkop, 336 p. (in Russian).
4. Ibid.
5. Shhachaceva, M.H. (1986) *Lingvodidakticheskie osnovy obuchenija sintaksicheskomu stroju russkogo jazyka v adyghejskoj shkole: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk*, Moscow, 40 p. (in Russian).
6. Kuznecova, Je.V. (1989) *Leksikologija russkogo jazyka*, Moscow, 216 p. (in Russian).
7. Blyagoz, Z.U. etc. (1987) *Leksika i slovoobrazovanie v adyghejskom jazyke*, Majkop, 158 p. (in Russian).
8. Vinogradov, V.V. (1953) *O nekotoryh voprosah russkoj istoricheskoy leksikologii*, vol. 12, vyp. 3, Uchpedgiz, Moscow (in Russian).

Рекомендовано к публикации:

Горевым П. М., кандидатом педагогических наук, главным редактором журнала «Концепт»

ISSN 2304-120X

0 6